

Структура Звезды Воинственности и Алчного Волка во Дворце Тела зародилась из-за Сюй Чэня, а с кончиной Чжоу Сяопин прекратила свое существование. Смерть одного супруга положила проклятию начало, гибель второго — поставила точку. Ирония судьбы, не иначе.

Смертоносную формацию удалось разрушить. Хотя уцелевшую негативную энергию Чжоу Тун умирил божественной мощью Чжужуна, заключённой в персиковом гангмао, эта мера была временной. Чтобы окончательно избавиться от скверны, он велел боссу Яню расставить в ключевых точках, куда возвращались зловещие звёзды, защитные обереги — фигурки писю, цилиней и золотых жаб. Две-три недели — и отголоски пагубного влияния рассеются без следа.

Жуткие лица, перепугавшие сотрудников компании накануне, стёрлись из памяти людей ещё до рассвета. Каждый смутно помнил, что ночью творилось нечто неопишное, но стоило попытаться восстановить детали, как мысли ускользали, не оставляя и следа.

Тело Чжоу Сяопин вскоре обнаружила полиция. Смерть её была не просто ужасной, а противоестественной: смертельным стал удар ножом в живот, однако вся внутренняя сторона бёдер оказалась иссечена глубокими рваными ранами, словно из её лона наружу прорывалось нечто когтистое. Вскрытие и вовсе повергло патологоанатомов в ужас — плод в утробе погиб ещё несколько месяцев назад. Следователи зашли в тупик, содрогаясь от суеверного страха, пока дело спешно не изъяло некое закрытое государственное ведомство, похоронив все отчёты в архивах. Но это случилось позже.

Единственный выживший, Ван Юн, словно ведомый неведомой силой, сам явился с повинной. Он бился в истерике и умолял запереть его, крича, что за ним по пятам ходит призрак убитого им человека, обещающий разорвать его на куски, если тот не искупит грехи. Когда полицейские отыскали труп и подтвердили вину, Ван Юна уже перевели в тюремную одиночку — к тому моменту он окончательно лишился рассудка, превратившись в пускающего слюни безумца.

Внук босса Яня, Сяо Хай, чей гороскоп Чжоу Тун использовал для отвода удара, тоже пострадал от отката. Впрочем, ничего страшного не произошло: мальчишке предстояло около месяца промаяться лёгкой хворью. Обычная простуда, небольшая температура да слабость в теле — отличный повод посидеть дома под присмотром родни и не совать нос куда не следует.

Что же касается дальнейшей судьбы высотки «Хайжуй», босс Янь упрямылся до последнего. Даже после пережитого кошмара он наотрез отказывался сносить здание. Чжоу Тун не стал тратить время на пустые уговоры.

Возмездие за глупость пришло в первую же ночь. Боссу Яню приснилось, будто он бредёт по бесконечным коридорам офиса, как вдруг с потолка рушится исполинский серп и сносит ему голову. В следующем кошмаре он, уже будучи безглавым трупом, метался между сближающимися стенами двух высоток, пока те не сомкнулись, превратив его кости и плоть в кровавое месиво.

Три ночи подряд один и тот же леденящий душу сон крутился перед его внутренним взором.

На четвертый день измождённый, осунувшийся Янь Ци сдался. Задействовав все связи в верхах, он спешно выбил разрешение на снос, временно перевёл штат в другой филиал и, пригласив Чжоу Туна перепроверить геомантическую карту нового участка, нанял строителей. Работа закипела без промедления.

Закрутившись в делах, босс Янь всё же попытался затащить Чжоу Туна в ресторан, чтобы отблагодарить как следует, но юноша вежливо отказался. Тогда Янь Ци выписал чек на внушительную сумму. Спрятав вознаграждение, Чжоу Тун лучезарно улыбнулся:

— Всегда рад помочь, босс Янь. Заходите ещё, если что-то случится.

Бизнесмен невольно вздрогнул. На его суровом лице проступила горькая, беспомощная усмешка.

Подобного кошмара ему с лихвой хватит до конца дней.

Зеленая Обитель

В чайной «Зелёная Обитель» хозяйка лавки, Дуаньму Цю, лениво полулежала в плетёном кресле. Она держала в тонких пальцах длинный мундштук изящной курительной трубки, неторопливо выпуская кольца ароматного дыма, и даже не соизволила приподнять веки. Погода разыгралась не на шутку: стоило затяжным весенним дождям сойти на нет, как в город мгновенно ворвался знойный летний воздух.

Рядом с ней, насупившись, сидел строго одетый молодой человек. С самым постным и недовольным видом он разминал длинные ноги хозяйки лавки, совершая аккуратные, но явно вымученные движения тонкими, изящными пальцами.

Дуаньму Цю блаженно зажмурилась, тихонько охнув от удовольствия, но, заметив, как ещё сильнее сошлись к переносице брови юноши, недовольно дёрнула голенью. Постучав трубкой о край яшмовой пепельницы, она протянула:

— Послушай, племянничек. Если тебе претит угождать тётке, так и скажи. Я всего лишь попросила размять мне ноги, а у тебя такое лицо, будто ты на поминках стоишь.

На лице молодого человека отразилась внутренняя борьба. Он честно попытался смягчить свою каменную мину и даже выдавил подобие подбострастной улыбки, но вышло до крайности натянуто.

Дуаньму Цю легонько коснулась прохладным кончиком мундштука его щеки:

— Ой, умоляю, не надо. Так ты ещё больше похож на могильщика. Ладно, сколько лет не виделись, не буду мучить родную кровь. Выкладывай, зачем пожаловал?

— Тётушка, — юноша сидел на бамбуковом стуле с безупречной, почти военной выправкой, положив ладони на колени. — У твоего племянника есть к тебе важнейшая просьба. Чуть больше чем через месяц исполнится очередная годовщина со дня смерти моей матушки. Я пришёл умолять тебя поехать со мной в родовое поместье. Мама ждала твоего прощения больше десяти лет. Если её душа в подземном царстве узнает, что ты пришла, она обретёт долгожданный покой.

— Навестить её? — Дуаньму Цю горько усмехнулась, однако в её бездонных, чёрных как обсидиан глазах промелькнула глубокая тоска. — Она ведь сама когда-то отреклась от меня ради мужчины. Наотрез отказалась от сестры! С какой стати мне теперь навещать её могилу?

— Матушка была кругом виновата перед тобой, тётушка. Но я знаю, что все эти годы она не переставала думать о тебе. Перед самой смертью она только и делала, что звала тебя. Столько лет утекло, а её последнее желание так и осталось неисполненным.

— Помнила обо мне?.. — пальцы Дуаньму Цю судорожно сжались вокруг мундштука, и она принялась торопливо, со стуком стряхивать пепел в яшмовую чашу. — Зачем? К чему эти пустые воспоминания? Мы расстались так давно, что я уже и лица её не помню.

— А она помнила каждую черточку, — негромко отозвался молодой человек. — Матушка всегда говорила: «Нефрит обладает пятью добродетелями, главная из которых — мягкий блеск и теплота, указующие на милосердие». Она верила, что во всём поднебесном мире нет человека, которому благородный нефрит шёл бы больше, чем её младшей сестре.

— Красиво говорить она всегда умела, — Дуаньму Цю слабо улыбнулась и покачала головой, погружаясь в свои думы.

Хань Цицин нерешительно поднял на неё взгляд:

— Так что ты решишь, тётушка?

— Посмотрим. Если дела позволят, я приеду, — она выпустила плотную струю сизого дыма. — Это всё, ради чего ты проделал такой путь?

Племянник ненадолго задумался, опустив голову, а затем вежливо кивнул:

— Да, больше ничего. — Он заметил, как помрачнело лицо женщины, но, не в силах разгадать переменчивый нрав тётки, поспешил добавить: — Если я докучаю тебе своим присутствием, то немедленно удалюсь, дабы не портить тебе настроение.

Дуаньму Цю резко подалась вперёд и крепко сжала его запястье. Тонкие брови сошлись на переносице:

— И ты уйдёшь вот так? Серьёзно, больше ни слова мне не скажешь?

Хань Цицин опешил, в его обычно бесстрастных тёмных глазах промелькнуло искреннее недоумение. Дуаньму Цю шумно вздохнула и разжала пальцы.

— Ладно, забудь. Я уже знаю про то предсказание, что нагадала тебе старая ведьма.

— А, — парень заметно расслабился и тихо выдохнул. — А я-то испугался, что умудрился чем-то разгневаться тебя, тётушка. Так речь об этом.

— «Об этом»?! — вспыхнула Дуаньму Цю, повысив голос. — Твоя бабка — сильнейшая предсказательница, но даже ей не удалось разгадать твой расклад! И ты называешь это пустяком? Эта старая карга годами делала всё, чтобы мы не виделись, а тут вдруг сама отправила тебя ко мне. Неужели ты думаешь, я поверю, будто дело только в поминках? Она прислала тебя из-за того неразрешимого проклятия, что висит над твоей головой! Почему ты молчишь? Решил, раз бабка села в лужу, то и я ничем не смогу помочь?

— Вовсе нет, — мягко, но уверенно возразил юноша. — Я лишь помню, как сильно ты презираешь всю нашу семью. Мне не хотелось обременять тебя чужими невзгодами.

Дуаньму Цю лишилась дара речи.

Она долго всматривалась в его строгое, преисполненное достоинства лицо и в конце концов сокрушённо покачала головой. Достав из складок рукава небольшую нефритовую подвеску-цзюэ, она силой вложила её в ладонь племянника.

— Твой жизненный путь скрыт плотным туманом, — устало проговорила она, поднимаясь на ноги. — Даже мне не под силу пробиться сквозь него. Одно знаю точно: над тобой нависло смертельное проклятие, и прольётся кровь. Забери эту подвеску. Если рядом с кем-то скрытый в глубине камня узор вспыхнет чистым светом, знай — перед тобой тот самый человек, которому суждено уберечь тебя от гибели. Береги её пуще глаза и не смей терять.

Хань Цицин бережно, обеими руками принял драгоценный дар.

— Спасибо тебе, тётушка.

— Ступай уже, — Дуаньму Цю отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен. — Слишком много пустых разговоров. Я устала и хочу прилечь.

— Слушаюсь, тётушка, — юноша поклонился и направился к выходу, но у самого порога замер, оборачиваясь с робкой надеждой: — Значит, на годовщину?..

— До чего же ты занудный! — в сердцах воскликнула женщина. — Все вы, Хани, одним миром мазаны — невыносимые упрямцы! Сказала же: раз обещала, то приеду. И нечего переспрашивать!

— Хорошо, — на губах юноши наконец появилась слабая, но искренняя улыбка.

Он аккуратно спрятал нефрит в шёлковый мешочек, убрал во внутренний карман и бесшумно выскользнул на улицу.

Как только за ним закрылась дверь, напускная холодность Дуаньму Цю мгновенно испарилась. Лицо её исказилось от подступивших рыданий, а тонкие брови скорбно изломились. Она закинула голову, невидящим взором уставившись в потолок, и горячие слёзы обожгли её веки.

Чжоу Тун лениво покачивался на сиденье полупустого автобуса. День выдался на редкость погожим: небо сияло пронзительной лазурью, на которой не было ни единого облачка. Он поднялся ни свет ни заря, чтобы совершить долгую прогулку в горах, и теперь возвращался, чувствуя приятную усталость во всем теле. Солнечные лучи, проникая сквозь пыльное стекло, ласкали лицо мягким теплом, заставляя зажмуриться от удовольствия.

Из глубин бронзового наконечника алебарды раздался насмешливый голос Лин Юаня:

— Надо же, обычная поездка на дребезжащей жестянке способна довести тебя до такого блаженства. Какая поразительная скромность в запросах.

Чжоу Тун приоткрыл один глаз и мысленно ответил:

* «Что поделать, люблю простые радости. Да и ностальгия опять же... В детстве мы с отцом часто ездили по этому маршруту. Тогда он был ещё жив, а моё здоровье не доставляло столько хлопот. Это потом я перестал переносить толпы — в духоте и тесноте у меня сразу перехватывало дыхание»*

Он сделал глубокий вдох, ловя влетающий в открытую форточку весенний ветерок, напоённый ароматом цветущих садов.

* «Нет, всё-таки весна прекрасна»*

Вдруг проезжавший мимо раскидистого дерева автобус задел ветку, и в приоткрытое окно влетело несколько нежно-розовых лепестков. Чжоу Тун бережно поймал один из них и аккуратно поставил рядом с бронзовым наконечником алебарды.

* «Какая прелесть»* — невольно улыбнулся он.

Тень недовольно фыркнула. Едва заметный порыв чистой духовной энергии сдул лепесток прочь.

* «Рано радуешься, — проворчал Лин Юань. — Скоро этот твой рай на колёсах превратится в ад. Вот увидишь, сейчас набегит уйма народу»*

Чжоу Тун лишь снисходительно хмыкнул, но стоило автобусу притормозить у очередного павильона, как улыбка сползла с его лица. На остановке колыхалась плотная, тёмная толпа. Чжоу Тун с запозданием сообразил, что маршрут пролегал через крупный пересадочный узел, и сейчас, в час пик, здесь скопились сотни спешащих по домам студентов и офисных клерков.

Людской поток несдерживаемой лавиной хлынул внутрь, мгновенно заполнив просторный салон до отказа. Пассажиры прижимались друг к другу плечами, превращая автобус в форменную банку со шпротами.

* «Ну и накаркал же ты»* — тоскливо вздохнул Чжоу Тун, вжимаясь в сиденье.

Лин Юань лишь тихо и злорадно рассмеялся, после чего укрылся в самой глубине бронзового наконечника, полностью скрыв своё присутствие.

Автобус прополз ещё пару остановок, нутужно ревя мотором. На очередной платформе двери с шипением распахнулись, и в салон протиснулся человек, чья долговязая фигура сразу привлекла внимание Чжоу Туна. Юноша, устроившийся на задней площадке, с любопытством сощурился.

«Надо же, Хань Цицин... — удивлённо подумал он. — Что этот столичный франт забыл в обычной пригородной жестянке?»

Водитель автобуса, очевидно, мнил себя пилотом «Формулы-1»: старый дребезжащий рыдван нещадно бросало из стороны в сторону на каждом повороте, а пассажиры испуганно хватались за всё, за что могли. Однако Хань Ци стоял посреди этого хаоса абсолютно неподвижно, точно вкопанный в землю столб. Фигура его оставалась идеально прямой, ни один мускул на лице не дрогнул. Он крепко держался за верхний поручень, но взгляд его тёмных глаз оставался отрешённым и тусклым — молодой человек явно витал где-то в облаках.

Чжоу Тун некоторое время раздумывал, стоит ли окликнуть знакомого, но внезапно его внимание привлекла странная суeta. К погружённому в свои мысли Хань Цицину неприметно протискивался низкорослый мужчина. Его рука, совершая едва уловимые, отточенные движения, плавно скользнула сквозь толчею напрямик к карману брюк рассеянного господина.

<http://bllate.org/book/18246/1764700>